

Однажды во сне

Последние лучи зимнего солнца падали на стол, огибая ткань темно-синих штор. Согнувшись над новым сочинением по истории, она сидела уже который час. «Отвага людей во время войны». Для Эли эта тема была обычной. Она ничего не чувствовала и не осознавала тяжести этих слов.

В тишине пустого дома раздался скрип кровати и громкий возглас:

- А мне какая разница, как они там жили?!

Она посмотрела на окно, что частично было скрыто за шторами, и тихо проговорила:

- Какая мне разница? Просто учить много нового материала. Зачем? Это же абсолютно бесполезно, повоевали и все, зачем вновь и вновь повторять одно и то же, разве это поможет мне как-то в жизни? Не думаю, что знание того, как люди питались опилками, научит меня оплачивать счета...

И лишь усталый выдох после. Несколько непрерывных часов поиска информации ради этого сочинения, хотя раньше уже раз пять задавали похожие темы. Спина болела от долгого сидения в одной позе - совсем неподвижно, будто статуя. Казалось, что некоторые конечности и вправду стали каменными. Усталость закрывала ей глаза и будто укрывала покрывалом, таким мягким, нежным, белым и воздушным, манящим в сладкие сети сна. Эля заснула.

Когда глаза открылись, ее окутала паника. Сердце ускорило темп, видя старые мрачные темные стены, коридор почти без света. Уже будто была ночь, но это был совсем не ее дом, это были длинные коридоры какого-то старого места, совсем не похожего на современные дома. Это место казалось смутно знакомым, будто она видела его где-то на пожелтевшем фото, а может даже во сне.

Ей нужно было много времени, чтобы вновь вернуть себе контроль над своим же телом. В голове уже всплывали воспоминания. Она видела это место где-то в учебнике истории. Смотря на эти стены и темный, все еще жуткий коридор, Эля вспомнила фразу, которая звучала на уроке истории: «Arbeit macht frei».

Да, это было то страшное и жуткое место, пропитанное запахом крови и сожженных тел, имеющее очень плохую славу во всемирной истории. Лагерь смерти Аушвиц. Все здание было пустым, будто вовсе вымершим, атмосфера была давящая, прибывала к полу, не давая двигаться.

Вдруг где-то в конце послышался шорох, моментально направив взгляд туда, Эля вздрогнула. Маленькая худая фигурка стояла в конце. Ребенок? Он, тихо ступая по холодному полу своими изрезанными ножками, неумолимо приближался. Тихо, почти бесшумно шагала мальчишка по полу, пока сердце Эли, охваченное жутким страхом, трепетало, чувствуя опасность.

Ребенок был в старой грязной одежде. Рваные его лохмотья не согрели бы даже летом при дожде, казалось, будто он жил в этой одежде несколько лет, не меняя ее, и при этом терпел жуткие побои, да не просто рукой, а плетью. Все его тело было в синяках и ссадинах, кроме лица. Светлые короткие волосы падали на лоб, немного прикрывая глаза. Его глаза такого чудесного небесного света, такие невинные и добрые, смотрели прямо в душу, успокаивая и пытаясь внушить доверие.

Он подошел и тихо, почти не дыша, протянул ей руку и спросил:

- Не бойся, давай станем друзьями?

Дрожь, как тысячи мелких пауков, пробежала по коже и пропала, оставляя ее наедине со своими мыслями и этим мальчиком.

Она медлила, а он смотрел на нее, ожидая ответа. Два живых ярких голубых камня выглядели особенно ярко на фоне темных стен. Он вновь, но более громко спросил:

- Ты хочешь дружить со мной? Он улыбнулся.

Эля тихо, боясь всего, что было тут, ответила:

- А-эм... Ладно...

Даже тут слышался страх.

Мальчик отвечал:

- А как зовут тебя?

Его голос звучал спокойно, но по-детски задорно.

- Эля? Да, так. Эля. А тебя...?

- А меня Лешкой зовут!

Он вновь улыбнулся так ярко-ярко, как солнышко.

Эля продолжала:

- Почему ты тут, это место не для ребенка.

- Я живу тут! Как только я проснулся, то было давно-давно, так и живу тут! Давай я покажу тебе все здесь

Прежде чем она успела ответить, он взял ее за руку и повел куда-то дальше по коридору.

Он много говорил, рассказывал об этом месте, как тут давно никого не было, рассказывал о семье и соседях, о тех людях, которых знал. Леша говорил о том, как гуляет с птицами, достает некоторых с забора, потому что те путаются в колючках.

Когда ему было всего 3 года, его папа, Павел Никитич, ушел на фронт, а мама, Елена Алексеевна, все время волновалась о чем-то. Мир будто стал совсем другим: люди говорили о какой-то войне, в лицах читался страх, а за окном был бесконечный шум. Как он сказал, они были вынуждены постоянно уходить с одного места на другое. Леша был тогда жутко голоден, а может, болел, он точно помнил, как вместе с другими попал сюда, многие плакали, некоторые нет, кто-то кричал.

Маленький ангел рассказывал жуткие вещи, было понятно, о чем, хоть речь его была немного невнятна. Он описывал кровь на стенах, множество людей, что ходили с оружием и часто били других, описывал, как жили в стойлах для лошадей, а иногда вместо них и работали. Только в один момент, когда он заснул, все исчезли, никого не осталось.

Эля чувствовала камни под ногами, когда они уже вышли на улицу. Там было тихо, а вдали ничего. Вечный путь из забора с острыми шипами на нем. Она удивлялась, неужели правда все так? На уроках она никогда не думала о том, как это жить рядом с врагами, когда почти каждый может быть им. Неужели по этим дорогам шли толпы людей, в крови, уставшие и избитые, без надежды на свое будущее, на свою свободу, без надежды на жизнь без этой войны, но уверенные в победе, не сдающиеся, сильные...

- Знаешь, я думал, что не делал ничего плохого, а оказалось, нет, ведь если случилось, то заслужил.

Все еще держа ребенка за руку, Эля спросила:

- А разве ты не хороший?

Леша посмотрел на нее, после чего она продолжила:

- Ты не виноват в этом.

Он раскрыл в удивлении глаза. Будто в его голове что-то щелкнуло. Ни кровь, которую он видел, ни слезы матери, которая плакала ночами - ничто из этого не было его виной. В голове Эли проносилась его история снова и снова, который раз она удивлялась тому, что происходило.

Они продолжили гулять, малыш говорил уже менее уверенно, будто что-то перекрывало путь его словам, но в какой-то момент это вырвалось, и он спросил:

- А все прошло?

Его голос был безумно тихий, еле слышимый, будто это было что-то запрещенное.

- Да, прошло, твой папа победил.

С натянутой улыбкой ответила она, а мальчишка, услышав эти слова, сказал:

- Неужели ты слушала меня плохо? Разве я не говорил о том, что все ушли, это общая победа! Даже дяди Александра, что так любит поругаться с мамой! Все победили!

Эля хотела сказать что-то, но запнулась. Это правда, победа всех. Абсолютно всех. Каждый жертвовал собой. Кровь каждого была на поле боя, в семье каждого умирали. Пугало огромное число пропавших. Устрашало число умерших и число детей, оставшихся сиротами, а также и родителей, потерявших частичку себя – своих детей. Каждый стремился к победе, каждый вложил в это силы. А все для будущего страны, свободы внуков и правнуков. Неужели это все для того, чтобы кто-то сейчас говорил, что может повторить, сравнивал с пустяком? Несправедливо.

- Эй, ты в порядке?

Мальчик легонько сжал ее руку.

- Расскажи о том, как ты живешь? Как у тебя в мире?

Эля, улыбнувшись, начала рассказ. Она говорила до самого вечера, а малыш Леша внимательно слушал ее, смотря на Элю, как на чудо, которое поражает его все сильнее и сильнее. Иногда он обнимал ее и спрашивал все больше.

Сердце внезапно забило быстрее, голова закружилась, а она будто сквозь землю провалилась. Снова страх, снова что-то не так.

Звук телефона. Кто-то звонит? А где она? Она дома? Да, это ее кровать и потолок. Тревога внутри не давала двигаться. Перед глазами пробежали те безумные царапины от ногтей умирающих людей в газовых камерах-душевых, те бездушные коридоры, по которым ходили такие люди, как светловолосый дьявол тех стен – Ирма Грёзе, те стойла для лошадей, в которых жили люди, он рассказал ей немного, а ведь даже малейшая часть пугала, если ее увидеть.

В ее голову пришла мысль о том, что сейчас ведь люди не настолько сильны волей, чтобы выдержать это? Может быть, если бы эта война началась сейчас, то мы бы проиграли? Готовы ли

люди сейчас до последнего идти вперед, а если нет ног, то ползти? В голову закрались сомнения, ведь сейчас даже физическая культура последним уроком – это мучения для некоторых, а тогда люди месяцами сидели и голодали, кидались под танки, чтобы победить...

Мир стал другим и люди тоже. Сейчас жизнь стала проще, ведь появилось много новых технологий, люди стали более избалованными, но даже сегодня сила воли остается для человека ценностью. Умение стремиться к чему-то, верить в достижение цели и достигать ее всегда будет считаться кладом, который человек ищет в себе сам и это никакое не чудо. Победа в войне тоже не чудо или помощь бога, это общий труд, огромный дом, построенный на костях и крови.